
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ДѢВА СЕМИ АНГЕЛОВЪ

И

ТАЙНА.

СОЧИНЕНІЯ

БАРОНА Г. РОЗЕНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. П. бургъ, 22 Марта 1829 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

ДѢВА СЕМИ АНГЕЛОВЪ.

ПРЕДАНІЕ.

ДѢВА СЕМИ АНГЕЛОВЪ.

Лампада теплится ночная;
На ложѣ смерти мать родная,
И въ безутѣшномъ горѣ дочь
У ней проводитъ день и ночь.
Она дитя еще лѣтами,
Но горемъ упредила ихъ,
И бѣлый платъ, передъ очами
Уже измокъ отъ слезъ живыхъ.

»Не плачь, дитя мое родное!
Настало время роковое:
Велѣлъ Творецъ Небесный звать
Твою растерзанную мать!
Не мучься долгою тоскою:
Ты грудь страдающую три
Моей могильною землёю;
Потомъ Господь тебя призри!

»Я ничего не оставляю,
Моя сиротка! Завѣщаю
Одно сокровище тебѣ
Въ душеспасительной мольбѣ;
И это тайна родовая!
Роднымъ лишь дѣтямъ про нее
Сказать должна ты, умирая:
Приближься, вытверди ее!

»Господь! я долу безъ защиты,
И тмою дни мои покрыты!
Господь Небесъ, Господь земли!
Ко мнѣ семь Ангеловъ пришли!
Вели обстать мой одръ крылатымъ
Семи хранителямъ души:
Семи ввѣряюся вожатымъ
Въ опасной жизненной глуши!«

»Не забывай ты въ вечеръ каждый
Творить сію молитву дважды:
Ты будешь чувствовать прилётъ
Святыхъ защитниковъ сиротъ;
Уснешь подъ вѣяньемъ душистымъ
Небесной силы, легкимъ сномъ;
Богата будешь сердцемъ чистымъ,
И грѣхъ не помѣстится въ нёмъ!«

Скончалась мать передъ зарею.
Малютка терла грудь землею:
Лились обильно токи слезъ —
И бѣлый гробъ подъ ней исчезъ!
Какой - то родственникъ съ могилы
Отвелъ рыдающую прочь:
» Я твой кормилецъ, ангелъ милый,
И ты моя отнынѣ дочь! «

И онъ ведетъ ее въ обитель,
Въ которой, тихій міра житель,
Онъ много лѣтъ уже провелъ,
Уже состарѣться успѣлъ.
И не далъ Богъ ему супруги;
Ни съ кѣмъ онъ жизни не дѣлилъ;
И одинокіе досуги
Однимъ наукамъ посвятилъ.

Такъ жилъ онъ жизнью непонятной.
Сіяетъ бѣдностью опрятной
Его пустынничій пріютъ;
Зачѣмъ скупымъ его зовутъ?
Толкуютъ праздные сосѣди,
Что много въ храминѣ добра;
Что въ кладовой есть куча мѣди
И пропасть злата и сребра.

Старикъ одинъ съ своей малюткой;
Ея младенческою шуткой
Его приправленъ горькій бытъ:
Морщины грустныя ланитъ
Уже разглажены весельемъ;
И развивается, шутя,
Между занятьемъ и бездѣльемъ,
Его прекрасное дитя.

Вилися локоны густые,
Сіяли очи голубыя;
Она прелестно разцвѣла,
Красой-дѣвицей прослыла!
Она милѣй душою скромной;
Благочестиво помня мать,
Не забываетъ, въ вечеръ тёмный,
Своихъ семь Ангеловъ призвать.

Ихъ дни безпечно протекали.
Однажды въ сумерки гуляли
Отецъ и дочь; а между тѣмъ,
Непримѣчаемый никѣмъ,
Въ широкомъ платьѣ разоритель
Семействъ счастливыхъ, старый тать,
Вкрался въ смиренную обитель
И подъ дѣвичью легъ кровать.

И скоро возвратились оба.
Никто не скажетъ имъ, что злоба,
Что къ злату жадная рука
И съ нею гибель столь близка!
Последній ужинъ тихо веселъ;
Уже и спать пора пришла:
Встаетъ отецъ усталый съ креселъ,
А дочь сбираетъ со стола.

Уже и близко къ полуночи;
Отца давно сомкнулись очи;
Легла дѣвица въ мягкій пухъ
И убаюкиваетъ духъ
Своей молитвой благодатной:
Своихъ семь Ангеловъ зоветъ
Мольбой вторичною и внятной
И, мнится, чуетъ ихъ прилетъ.

Съ ножемъ въ рукахъ, улыбкой злою
Надъ сей ругаяся мольбою,
Разбойникъ шепчетъ про себя:
»Твои семь Ангеловъ тебя
Спасать не будутъ, голубица,
И скоро кончится твой вѣкъ!«
Уснула крѣпкимъ сномъ дѣвица,
И выползъ адскій человѣкъ.

Передъ невинностью прекрасной
Остановился тать ужасный;
Невольно движется душа;
Онъ смотритъ, дѣломъ не спѣша.
Дѣвица спитъ и мѣсяцъ свѣтитъ.
Пора! разбойникъ ближе къ ней —
Въ младую грудь кинжаломъ мѣтитъ,
И грудь волнуется сильнѣй!

Но вдругъ невѣдомая сила
Его всемощно поразила
И, защищая старца дочь,
Его отталкиваетъ прочь.
Онъ быстрымъ взоромъ оглянулся —
Никто! »Такъ я-жь тебѣ, постой!«
И шагъ еще — и къ ней рванулся..
Не могъ... отпрянулъ... »Что со мной!«

Объятый страхомъ, полный жара,
Не попыталъ опять удара:
Дрожитъ жестокая рука,
И онъ пошелъ на старика...
Его убилъ освирѣпѣлый...
Еще разъ ножъ ему во грудь...
И грабитъ онъ рукою смѣлой —
Теперь пора въ обратный путь!

Но звѣровидный взоръ убійцы
Алкаетъ гибели дѣвицы:
»Кто спасъ ее, одна-ли дочь?
Съ ней только лунный свѣтъ да ночь!
И такъ пойду-ль въ мои дубравы?
При ней мнѣ страшно... но уже-ль
Не отомщу!« и ножъ кровавый
Къ ней бросилъ въ чистую постель!

Печально свѣтитъ огнь лампадный
Въ темницѣ каменной и хладной
И, правосудіемъ забытъ,
Тамъ осужденный ангелъ спитъ!
Сиротка спитъ на крѣпкомъ ложѣ,
И тихъ ея послѣдній сонъ,
И грустно-сладостенъ; но, Боже!
Заржавой цѣпью отягченъ!

При юной жертвѣ обреченной
Сидитъ тюремщикъ умиленный;
И плачетъ онъ, едва дыша:
Болитъ зѣница и душа!
Въ немъ сердце пламенное взрыто
Внезапной бурей роковой —
Но страшной мыслію убито:
»Ты будешь завтра подъ землёй!«

»Благообразное созданье,
Ахъ, ты-ль свершила злодѣянье!
Увы, она призналась въ томъ!
Но въ окѣ ясно-голубомъ,
Въ очаровательномъ покоѣ,
Въ смиренной прелести лица —
Во всемъ написано иное,
Чѣмъ убіеніе отца!«

Проснулась плѣнница младая.
»Ахъ говори, душа родная!«
Воскликнулъ онъ: »тебя люблю,
Тебя любовію молю,
И состраданіемъ сердечнымъ
О смерти милой сироты —
Я заклинаю Богомъ вѣчнымъ,
Ахъ говори: невинна-ль ты?«

— Не вижу ясно: очи темны
Отъ столькихъ слезъ! Мой стражъ тюремный
Ты-ль горько плачешь обо мнѣ,
Иль это вижу въ чудномъ снѣ?
Ахъ, ты-ль! Слезамъ твоимъ въ отплату
И въ воздаянье за пріязнь,
Тебѣ скажу какъ другу, брату:
Невинна я — но завтра казнь!

Я не боюсь: я не убійца!
Но, ахъ! тюрьма моя свѣтлица!
Людей проклятье, вѣчный стыдъ
Мой прахъ казненный осѣнитъ!
Ужасной пытки не снесла я:
Чего хотѣлось палачамъ,
То говорила я, желая
Конца моимъ печальнымъ днямъ!

Но вотъ одно меня тревожитъ —
Никто сей тайны знать не можетъ!
Изъ дальнихъ мѣстъ, не изъ людей —
Святыхъ имѣла я друзей;
Ихъ призывала и любила,
Слова родной въ душѣ храня.
Увы! я видно согрѣшила:
Они покинули меня! —

»Невинна ты, мой агнецъ милый!
Въ душѣ ослабшей пышутъ силы —
Съ меня скатилася гора!...
Моя небесная сестра!
Невинна ты — и не должна ты
Нести на жертву жизнь свою!
Міръ не снесетъ такой утраты,
Заплачутъ Ангелы въ раю!

»Спасу тебя — отри-же слезы!
Я сокрушу твои желѣзы;
Когда позволишь, самъ съ тобой
Я удалюся въ край чужой!
Рѣшись, прекрасная: дай слово —
На плахѣ страшно умирать!
Въ одно мгновенье всё готово,
И будетъ съ нами благодать!«

— Не раздражай душевной боли
Сиротки бѣдной! Не грѣшно-ли
Бѣжать тебѣ? ты долгъ забылъ;
Преступникъ долга мнѣ не милъ!
Меня небесъ святая воля
Постыдной смерти обрекла;
Моя несчастливая доля
Моей невинностью свѣтла! —

» Ахъ, умились моимъ терзаньемъ!
Ты мнѣ пожертвуй состраданьемъ!
Для плахи слишкомъ ты чиста,
Мила, прекрасна и свята!
Уйди одна, уйди въ пустыни!
Позволь погибнуть мнѣ любя:
Молю, какъ лучшей благостыни,
Отрадной смерти за тебя!

»Рѣшись, мой ангелъ: время кратко!
Когда-бы знала ты, какъ сладко
Покинуть жизнь за тотъ предметъ,
Въ которомъ блещетъ рая свѣтъ,
Въ которомъ страждетъ совершенство
И гибнетъ страстная любовь!...
Ты мнѣ дари сіе блаженство,
Мою прими ты въ жертву кровь!«

Онъ умолялъ столь нѣжно, сильно,
Столь убѣдительно умильно....
Она безмолвна; но глаза
Свѣтлитъ отвѣтная слеза.
Вотще онъ проситъ всей душою:
»Летятъ мгновенія, уйди!«
Она покоится главою
На бурной юноши груди.

Его души подслушавъ муку,
Она ласкающую руку
Къ его ланитамъ возвела;
Она лобзаньемъ заперла
Уста любовника живыя....
Она счастлива: этотъ мигъ
Ей воздавалъ за муки злыя
Сторичнымъ благомъ неземныхъ!

»Опредѣленное судьбою
Да совершится надо мною:
Я не избѣгну никогда
Святаго Божьяго суда!
Остаться здѣсь мнѣ Богъ далъ силы!
Вѣрна себѣ, твоей любви,
Умру безъ ропота, мой милый;
Господь тебя благослови!

»Восторжествуй надъ грустью томной:
Любовь свѣтла и въ тмѣ тюрёмной,
И для любви, для сладкихъ словъ
Осталось нѣсколько часовъ!
Мы въ нихъ невинностію смѣлой
Младое счастье обрѣтемъ,
Мы въ нихъ всѣ блага жизни цѣлой
Однимъ восторгомъ проживемъ!

»Любовью чистой, съ небомъ смежной,
Душою пламенной и нѣжной
Я до кончины бытія —
Нѣтъ, и за гробомъ я твоя!
Мой другъ! возрадуйся лобзаньямъ
Твоей любовницы младой!
Покорствуй сладостнымъ желаньямъ:
Любить и въ вѣчности святой!«

И онъ, въ нѣмомъ самозабвеньѣ,
Одно небесное мгновенье
Провелъ у груди сироты,
Въ объятьяхъ сладкихъ красоты! ...
Но громко звукнули желѣзы ....
Онъ поблѣднѣлъ, затрепеталъ —
Изъ дикихъ глазъ исторглись слезы
И, падши ницъ, онъ зарыдалъ ....

Заря восходитъ роковая,
Градскія кровли позлащая;
Работы грустной слышенъ звукъ
И топоровъ печальный стукъ:
Воздвиглось грозно мѣсто казни,
Грѣха чистительный алтарь;
И, тайной полная боязни,
Взиралъ мыслящая тварь!

Вблизи, у древнія могилы,
Облокотившись на перилы,
Стоитъ высокій человѣкъ:
Въ немъ виденъ долгій, грѣшный вѣкъ!
Давно и буйство и печали,
Чертами ясными рѣзца,
Изобразились на скрижали
Его угрюмаго лица.

И онъ съ таинственнымъ участьемъ,
Съ какимъ-то дикимъ сладострастьемъ
На плаху мещетъ грозный взглядъ,
Въ которомъ зрится цѣлый адъ!
Онъ ждетъ губительнаго пира;
Голоднымъ врапомъ онъ глядитъ.
Уже зловѣщая сѣкира
Огнемъ свѣтила дня блеститъ.

»Ее ведутъ!« раздались клики.
Вздрогнулъ дубравы житель дикій:
Душа зашевелилась въ нёмъ;
Бѣлѣй онъ извести лицомъ;
Власы взвѣваются отъ страха,
Дрожатъ багровыя уста;
Какъ дьяволъ грозный, зрится плаха —
Надъ нимъ ужасная мечта!

Онъ будто съ кѣмъ-то драться хочетъ:
Грозитъ подъятою рукой;
Потомъ юродиво хохочетъ,
И наконецъ поникъ главой:
»Мои мучители ночные,
И днемъ покоя нѣтъ отъ васъ!
Молю: отстаньте, духи злые!
Уже-ль пришелъ мой страшный часъ!

»Одинъ въ лицо мнѣ дуетъ пламень;
Другой бросаетъ тяжкій камень,
И третій за волосъ деретъ,
Четвертый кровь изъ сердца пьетъ;
Ужаснымъ змѣемъ душитъ пятый,
И колетъ копіемъ шестой,
И страшно, съ радостью проклятой,
Меня на казнь влечетъ седьмой!«

»Ее ведутъ!« раздалось снова;
Отзывомъ горестнаго слова
Весь градъ въ минуту оглашёнъ —
И шумъ и колокольный звонъ!
Толпа валитъ — и ежечасно
Народа множится приливъ;
Всѣ знаютъ: зрѣлище ужасно!
Но всѣ спѣшатъ наперерывъ.

Среди толпы вооруженной,
На гибель агнецъ обреченный, —
Ко плахѣ шествуетъ она,
Въ багряный плащъ облечена!
Но веледушное спокойство
На чистыхъ прелестяхъ блеститъ;
Въ очахъ небесное геройство
Волшебнымъ пламенемъ горитъ.

И красота, смиренья скромность,
Души страдальческая томность;
Сіе младое существо;
Ея въ семъ мірѣ сиротство;
Вся жизнь ея и добродѣтель —
Все поражало!.. Этотъ взоръ,
Ея невинности свидѣтель,
Былъ людямъ молнійный укоръ!

Она ужь тамъ, на мѣстѣ казни!
Внезапно чувствіе боязни,
Печальной тѣнью, облекло
Ея ланиты и чело.
И много юношей стояли,
Знакомыхъ ей, вблизи ее,
Въ слезахъ бездѣйственной печали
Моляся тихо за нее.

Она заплакала невольно …
Ахъ! ей столь грустно, тяжко, больно
Главу на плаху положить,
Еще убійцей въ гробѣ слыть!
Она упала на колѣни,
Она смиряетъ чувствъ борьбу;
Въ народѣ стихнулъ шумъ движеній,
И всякій слушаетъ мольбу:

»Господь! Ты вѣдаешь: дѣвица
Не есть ужасная убійца!
Но про невинность сироты
Одинъ на небѣ знаешь Ты!
Не допускай меня постыдно
Скончать свой вѣкъ! На небеси
Да будетъ знаменіе видно
Судьямъ моимъ! Господь, спаси!..

»Въ Твоей руцѣ сиротки доля!
Твоя да будетъ вѣчно воля!
Предай меня моимъ судьямъ....
Когда не здѣсь, спаси-же тамъ!«
Она умолкла; вновь спокойство
На милыхъ прелестяхъ блеститъ,
И снова нѣжное геройство
Во взорахъ Ангела горитъ.

Съ минуту жертва роковая,
Очами въ небѣ утопая,
Съ обворожительной красой,
Молилась тихою мольбой...
Лицо, какъ чистое зерцало,
Души, готовой на отлётъ,
Святыя мысли отражало...
Еще безмолвствуетъ народъ.

Вы тщетно на небо глядите!
Святаго знаменья не ждите:
Не хочетъ Богъ ее спасти...
»Простите люди, міръ прости!«
Она съ лазоревой стихіи
Свела глаза, встаетъ... глядятъ...
Палачъ съ ея блестящей выи —
Со груди совлекаетъ платъ!..

Совлекъ — толпа затрепетала!
Стыдливость милая взыграла
На полныхъ, дѣвственныхъ щекахъ
И въ ясныхъ, пламенныхъ очахъ;
И, торопливыми руками
Закрывъ роскошныя красы,
Стояла дѣва — и струями
Текли по воздуху власы.

»Младая жертва, ты прекрасна!«
Вопила чернь единогласно;
И женскій слышенъ громкій плачъ:
»Ахъ погоди, палачъ, палачъ!
Еще одно, одно мгновенье!
Когда невинна сирота,
Такъ ей Господь пришлетъ спасенье,
И не погибнетъ красота!«

И ждетъ палачъ; но гдѣ спаситель?
Къ ней подошелъ высокій зритель,
Со злымъ, насмѣшливымъ лицемъ,
Одѣтъ изодраннымъ плащемъ —
И всѣ дыханіе таили ...
»Ты ждешь спасенія себѣ?
Скажи, красотка: помогли-ли
Твои семь Ангеловъ тебѣ?«

»Вотъ онъ злодѣй, вотъ онъ убійца!«
Вскричала съ живостью дѣвица;
И, обвиненьемъ поражёнъ,
Онъ поблѣднѣлъ, отпрянулъ онъ,
И страшно глазъ его сверканье ...
Его схватили ... съ языка
Сорвалось громкое признанье:
»Да, *я* зарѣзалъ старика!«

И посинѣлъ злодѣй суровый;
Уже звучатъ на немъ оковы,
И взволновавшійся народъ
Его терзаетъ и клянётъ;
И разлилося восклицанье:
»Сиротка наша спасена!«
Въ святомъ невинности сіяньѣ
Передъ толпой стоитъ она.

Среди торжественности шумной,
Необычайной и безумной,
Съ собою милую влекутъ;
Ее по городу ведутъ ...
И долго слышатся ихъ клики:
»Тебя семь Ангеловъ спасли!«
И вторятъ многіе языки:
»Ты долго здравствуй на земли!«

И мимо каменной темницы
Свершалось шествіе дѣвицы;
Съ слезой въ очахъ, глядитъ она
На три завѣшанныхъ окна.
Извѣстно ей: тамъ кто-то страждетъ,
Недугомъ жаркимъ поражёнъ;
Тамъ кто-то съ ней свиданья жаждетъ...
Она придетъ — воскреснетъ онъ!

ТАЙНА.

ТАЙНА.

I.

Земнаго странствованья путь
Излучинъ полнъ; мы видимъ чуть
Предметъ ближайшій! Міръ предъ нами
Одѣтъ туманными зыбями,
И въ рѣзкихъ очеркахъ одно,
Въ сей бѣлой глубинѣ, темно,
Угрюмо видится намъ — урна!
Другихъ воззрѣній вѣрныхъ нѣтъ:
Для духа теменъ міра свѣтъ!
Тиха-ль въ грядущемъ жизнь, иль бурна,

Куда заутра въ путь пойдетъ —
Ужель того не знаетъ тотъ,
Кто въ ледяномъ челѣ Монт-блана
Стопы познанья впечатлѣлъ,
И тайну грознаго волкана,
Перунъ, затмѣнье горнихъ тѣлъ, —
Сатурна путь уразумѣлъ!
Про все, но про себя не знаетъ...
Не онъ усиліемъ ума —
Завѣсу будущность сама
Надъ каждымъ мигомъ подымаетъ!
Но на поляхъ юдоли сей,
Между встрѣчаемыхъ людей,
Бываютъ встрѣчи роковыя,
Опредѣляющія сонъ
Всей жизни, будущность, живыя
Души печали и законъ
Всего желаемаго въ свѣтѣ.

Поработилъ одинъ предметъ
Свободу сердца: воли нѣтъ —
И рокъ ведетъ насъ къ вѣрной мѣтѣ!..

II.

Душой искомая *одна*
Предстала юношѣ. Она,
Съ невинно-ангельской душою,
Богиней юности цвѣла;
Очервленяемый зарёю
Кавказа снѣгъ лицомъ была —
И кудри вольныя съ чела
До персей, движимыхъ украдкой
Мятежнымъ чувствомъ нѣги сладкой!
И очи съ свѣтлой бѣлизной
И огнедышущею тьмой!

Уста со свѣжестію милой
И съ притягательною силой!..
Изображу-ль ее перомъ?
Свѣтило дня! твоимъ лучёмъ —
Мнѣ дай его на мигъ — срисую
Невѣсту сердца, какъ живую!
Я быстро воздухъ очерчу —
Воспрянетъ въ сущность обликъ нѣжный..
Любви перуномъ бѣлоснѣжной
Дотронусь груди, размечу
Вокругъ прекраснаго созданья
Небесный свѣтъ очарованья!..

III.

Любовникъ! смолкъ-ли ропотъ твой:
» Далъ сердце Богъ, но дѣвы не далъ! «

Ты нынѣ бурною душой
Восторги первые извѣдалъ!
Волшебной тайны полнъ твой духъ;
Передъ тобою дѣва - гепій,
Единосущій, свѣтлый другъ,
Царица въ области видѣній!
Ты вѣришь радужнымъ мечтамъ,
Ты взоромъ страсти міръ окинулъ;
Ты будто ближе къ небесамъ
Земную родину подвинулъ!
Любви свѣтило хочешь ты
Подернуть тайною? Напрасно!
Ты все высказываешь ясно
Однимъ нарѣчьемъ нѣмоты!
Предатель твой — сей взоръ небесной!
Я знаю все! я зналъ, какъ ты,
Что міръ — одинъ вѣнокъ чудесный
Вокругъ любимой красоты!

IV.

Еще безмолвствуя вздыхали,
Но оба страсть своихъ сердецъ
Въ очахъ взаимно изучали.
Любовникъ юный наконецъ
Отъ сна бездѣйствія воспрянулъ,
Сказалъ два слова — и утихъ...
Довольно! отзывъ словъ живыхъ
Въ груди любовницы отгрянулъ...
Въ смятеньи дѣвственномъ сперва
На лоно потупляетъ взоры
И ропщетъ сладкіе укоры;
Но повторенныя слова
Младаго друга... и стыдливость
Вспылала ярче — сердца живость
Превозмогла... блаженный мигъ
Соединилъ уста съ устами —

И яблонь обсыпала ихъ
Своими бѣлыми цвѣтами!..
Богъ вѣсть, въ таинственной сѣни
Какими клятвами они
Другъ друга въ страсти увѣряли,
Иль въ милой вѣрности! — Она,
Въ покровѣ бѣломъ, но одна
Идетъ; изгибы алой шали
Вечерній вѣтеръ развѣвалъ;
Въ очахъ суша восторга слёзы,
Онъ сладострастно освѣжалъ
Ланитъ пылающія розы.

V.

Но скоро первой страсти пылъ
Въ душѣ любовницы остылъ!

Ей не довольно стало друга:
Развѣнчанъ сердца властелинъ!
Увы! не замѣнялъ одинъ
Всего заботливаго круга
Младыхъ ласкателей, и дымъ
Опасной лести, между нимъ
И ею, ликъ его туманилъ!
Уже иными плѣнена,
Почто-жъ любила зрѣть она,
Какъ огнь любви его румянилъ?
Почто-жъ у ней летучій стыдъ
Ланиты нѣжныя палитъ,
Когда обманутаго взоры
Бросаютъ острые укоры?
Зачѣмъ, въ сердечной глубинѣ,
Какъ червь блестящій, совѣсть свѣтитъ,
Когда любовію вполнѣ
Ужъ сердце сердцу не отвѣтитъ?

Ахъ! дѣва чувствуетъ, что ей
Не такъ должно-было обидѣть;
Но мы обыкли въ милыхъ видѣть
Всю легкомысленность дѣтей!

VI.

А онъ не зналъ того! Унылый,
Покинувъ родины брега,
Съ собою носитъ образъ милый
Въ душѣ, какъ тайнаго врага.
Въ немъ чувства — пылкіе витіи —
Въ живомъ безмолвіи горятъ,
И двѣ недружныя стихіи:
Любовь и ненависть, шумятъ
Въ пучинѣ жизни одинокой,
Сливаясь въ образѣ жестокой.

Чего отверженная страсть
Ему чувствительному стоитъ!
Какая въ бѣдномъ мірѣ власть
Харибду сердца успокоитъ!
Чуждаясь дружества людей,
Онъ презиралъ у богачей
Ихъ рукъ притворное сжиманье
И, гордый, будто никогда
Не зналъ минуты той, когда
Взведутъ надежду на закланье —
Свою наружность облекалъ
Въ спокойство; тихой озарялъ
Улыбкой мрачное раздумье,
И ледянымъ рѣчей умомъ
Скрывалъ сердечное безумье!
Притворства горестнымъ трудомъ
Порою юноша наскуча,
Являлся людямъ, будто туча,

Безъ бури движимая... Въ нёмъ
Перунъ гоповился и громъ!
Очей лазурное зерцало
Души угрюмый небосклонъ
И взрывы чувства опражало.
Онъ не стерпѣлъ, онъ вспыхнулъ... онъ,
Возненавидѣвъ гнепъ приличья,
Искалъ свободнаго величья
Прибрежныхъ горъ, гдѣ нѣтъ людей,
Гдѣ воздухъ чище и свѣжѣй!
И надъ волнующимся Понтомъ
Высоко, тамъ, подъ горизонтомъ,
Завѣсой крытымъ тучевой,
Онъ, надъ стремниной гладкой стоя,
Въ дыханьи бури роковой,
Валовъ заслушивался воя.
Взиралъ, въ бездѣйствіи нѣмомъ,
На парусъ, издали летящій;

Слѣдилъ перуна блескъ скользящій
Надъ горнымъ, дерзостнымъ орломъ
Онъ грудь открылъ: ему былъ сладокъ
Стихій раздорный безпорядокъ,
И мятежу въ его крови
Былъ другъ. Природа, въ звучномъ гнѣвѣ,
Уподоблялась милой дѣвѣ,
Въ живомъ отчаяньи любви;
И онъ, въ согласьи дикомъ съ нею,
Ее невѣстой звалъ своею.

VII.

Природа стихла; бурный другъ
Природы также унимался:
Онъ съ горъ сходилъ на злачный лугъ,
Гдѣ хоровода юный кругъ,
Игрою свившись, развивался.

Средь первородной простоты,
Онъ дѣлитъ тихія веселья,
Младыя игры, отъ бездѣлья,
Иль чтобъ забыть любви мечты.
Уже-ль на вѣкъ своей виною
Одна затмила для него
Всю прелесть пола своего,
Сама же все цвѣтя красою?
И розы сельныя его
Любили видѣть межь собою.
Онъ съ ними долго быть не могъ:
Его тревожили напѣвы,
Его печалилъ голосъ дѣвы!...
Бурливый сердца ключь изсохъ
Отъ зноя душнаго, и страсти
Лишились царствующей власти,
И жизни дикая весна
Бездушна стала и скучна!

Онъ подъ вліяньемъ хладной лѣни
Какъ не жилъ, жилъ лишь мутнымъ сномъ,
Неусыпительная въ нёмъ
Потребность бурныхъ впечатлѣній...
Что-жь на него въ кругу земномъ
Производитъ ихъ властно? Горе,
Стремнины, полночь, вихри, море,
Опасность, близость смерти!.. Нѣтъ,
Все мало нынѣ! Умъ не знаетъ;
Одно лишь сердце постигаетъ
Чего-то тайнаго привѣтъ,
Чего-то страшнаго, что чудно
Зажгло-бы жизнь, хоть безразсудно!
Но какъ и гдѣ то пріобрѣсть,
О томъ дастъ-ли сердце вѣсть?
Неодолимо чувствъ внушенье!
Онъ что придумалъ: тамъ у *ней*,

Чѣмъ только можетъ, на мученье
Подвинуть въ шумное круженье
Машину грозную страстей! —

VIII.

Но гдѣ-жь она? Ея не стало
Во блескѣ шумныхъ обществъ; въ нихъ,
Безъ ней, души не доставало!
Ея поклонниковъ младыхъ
Толпа задумывалась; взоры
Тускнѣли въ храмахъ Терпсихоры:
Безъ солнца свѣтлаго грустна
Сама роскошная весна!
Но гдѣ же милая? Свѣтлица
Ей добровольная темница!

Тамъ вздохъ, палящій вѣтерокъ
Отъ сердца, томность разливаетъ;
Она въ слезахъ печали таетъ:
Неотражаемый упрекъ
Ея весну опустошаетъ!
Души владыко, полубогъ
Есть прежній другъ! О какъ онъ могъ,
Въ порывахъ мстительнаго гнѣва,
Ее измѣнницею счесть!
На мигъ упоеваетъ лесть;
И, вздрогнувъ, отрезвилась дѣва!
Уже-ли легкая вина
Не будетъ другомъ прощена?
Ея испуганныя очи
Въ волшебномъ зеркалѣ мечты
Страдальца зрятъ: его черты
Тоскою тмятся; вѣтеръ ночи

Его баюкаетъ, онъ спитъ
На камнѣ...
»Ахъ! душа родная,
Ко мнѣ!« зоветъ она рыдая;
Его безчувственность гласитъ:
»Нѣтъ, нѣтъ! и мягче сей гранитъ,
Чѣмъ грудь измѣнницы младая!«

IX.

Она любила яблонь; тамъ
Сидитъ по свѣтлымъ вечерамъ.
Опять цвѣты спадаютъ съ древа,
И на нее, какъ въ вечеръ топъ...
И слезы пламенныя льётъ
Сія несчастливая дѣва!

На этомъ дернѣ сидя, онъ
Дѣлилъ съ тобою счастья сонъ!
Надъ нимъ ходили этѣ лозы,
Играя тѣнью по чертамъ
Его лица и по плечамъ;
Тогда цвѣли другія розы!
Другой былъ воздухъ; сладце тѣнь
Благоухала ... но въ тотъ день,
Счастливца милая подруга,
Съ тобой былъ другъ, не призракъ друга —
Мелькнетъ, то нѣтъ, то видѣнъ чуть!
Вотъ мотылекъ золотокрылый!
Онъ сѣлъ на дѣвичію грудь...
» О если-бъ былъ ты другъ мой милый!
Символъ безсмертія, символъ
Непостоянства! что ты скажешь?
Какою вѣстью взоръ увлажишь?
Съ безсмертной-ль страстью другъ ушелъ.

Другую-ль, вѣтренный, нашелъ?
Ты вѣрно предвѣститель друга!«
Душа вскипѣла чувствомъ... вотъ!
Любовникъ-юноша идётъ!..
Она узрѣла... крикъ испуга!..

X.

Смятеннымъ полная стыдомъ,
Глаза закрывшая платкомъ,
Рыдаетъ... Онъ предсталъ прекрасной,
Безмолвный, нѣжный, но ужасный!
Волшебство кисти иль рѣзца
Не выразитъ его лица!
Оно какъ циркъ, гдѣ состязанье
Враждебныхъ силъ и волнованье...

И вдругъ не то: въ немъ проситъ слезъ
Душа, какъ милости, и рвется
Въ мученьяхъ сладкихъ... сердце бьется
Нѣжнѣй, нѣжнѣе... Вдругъ занесъ
На сердце злобный демонъ руку —
И раздражилъ иную муку...
» Воззри, измѣнница! « (Она
Взглянувъ, не выдержала взора
Его разящаго укора —)
» Скажи, измѣнница! одна
Зачѣмъ ты здѣсь? « — Спроси у древа,
Спроси у слезъ моихъ... прости!
Какъ безъ прощенья жизнь снести! —
» Увы! зачѣмъ безславишь, дѣва,
Сихъ сѣней памятную тишь!
О чемъ, измѣнница, грустишь?
Твоя стихія — свѣтъ бездушный,
Гдѣ мотыляетъ рой послушный

Твоихъ поклонниковъ, гдѣ ты
Для всѣхъ богиня красоты!
Гдѣ легкомысльe съ чувствомъ дружно,
Гдѣ ядовитый ѳиміамъ
Курится... все найдешь ты тамъ,
Что сердцу дѣвичьему нужно!
Тамъ нѣтъ одной любви... но вамъ
Любовь, по истинѣ, нужна-ли?
Нѣтъ, нѣтъ! Скажи: не у тебя-ли
Душегубившая хвала
Любить способность отняла?
Душа тщеславная, не вѣрю
Слезамъ коварнымъ! не онѣ
За невозвратную потерю
И за тоску заплатятъ мнѣ!
Ты разлюбила, любишь снова;
Ты измѣнить еще готова,
Еще предашь меня бѣдамъ!

Всечасно ссориться-ли намъ,
Потомъ мириться? Мы не дѣти!
Такъ знай-же: въ розовыя сѣти
Однажды только ты могла
Завлечь свободнаго орла!«

XI.

— Я не молю любви отрадной,
Жестокій другъ! я одного
Молю прощенья твоего!
Укоръ я слышала нещадный....
Я не ропщу, я плачу.... я...
Люблю — мнѣ пища грусть и слезы!
Люблю душою: жизнь моя
Про друга пламенныя грезы!

Лелѣять слухъ мой лесть могла;
Она до сердца не дошла!
Ума неопытное дѣтство
Могло-ль предвидѣть въ шуткахъ бѣдство?
Какъ смертоносная стрѣла,
Меня пронзилъ твой взоръ прощальной;
Тогда я смутно поняла,
Что рѣзвость юная была
Всему причиною печальной!
Ты не хотѣлъ, иль зрѣть не могъ,
Какъ сердце дрогнуло отъ боли!
Не упросилъ тебя мой вздохъ,
Неумолимый! для того-ли
Ты рознилъ слитыя сердца,
Чтобъ одинокой, горькой доли
Ждала я тяжкаго конца?
Чтобъ изливалась жизнь слезами....
Пусть изольется-же она,

Но здѣсь, подъ этими вѣтвями,
Гдѣ воздухъ полнъ живаго сна
Воспоминаній... —
Къ вѣтви древа
Главой припала; слезы рѣчь
Залили; вѣтръ отъ нѣжныхъ плечь
Отбросилъ кудри...

XII.

»Дѣва, дѣва,
Какъ ты прекрасна! взоръ земной
Какъ будто слѣпнетъ предъ тобой!
Ты облита волшебнымъ свѣтомъ,
Ты дышешь прелестью святой;
Ты улыбаешься привѣтомъ

Загробныхъ благъ; твоя печаль
Влечетъ въ невѣдомую даль!
Тебѣ что нужно? обожанье!
Не о тебѣ-ль гремитъ молва!
О вѣчно-милое созданье,
Тебя, какъ образъ Божества,
Боготворю, цѣлую... сладки
Твои небесныя уста!
Любви-ли просишь, красота!
О Зинаида! мигъ лишь краткій
Любила ты! ты любишь днесь
Однимъ раскаяньемъ: я слезъ
Постигнулъ смыслъ!.. Но я, я жадно
Люблю, и страшно и нещадно!..
Ты обитаешь у жерла
Волкана-сердца... Ты могла
Мнѣ измѣнить—сей пламень страстный
Тебя пожретъ, мой другъ несчастный!

Вотще текутъ изъ глазъ твоихъ
Сіи мучительныя слёзы!
Вотще ланитъ пылаютъ розы!
Не жди возврата дней былыхъ:
Въ бездонномъ гробѣ чувствъ моихъ
Я схороню тебя живую!
Я хладнымъ мракомъ обовью
Весну блестящую твою!
Любви волшебницу младую
Въ невѣсту неба роковую
Преображу... Ты откажись
Отъ свѣта, тамъ чтобъ не видали
Твоихъ красотъ, твоей печали!
Навѣкъ живая схоронись,
И никому не будь супругой —
Лишь мнѣ — но въ келліи — подругой!..
Свирѣпымъ счастьемъ упоенъ,
Спіричной мукой обозженъ

Твой другъ-мучитель! Все онъ броситъ,
Въ тебѣ всего лишится онъ —
Но демонъ сердца жертвы проситъ!.. «

XIII.

Ужасенъ былъ разлуки мигъ!
Часовъ и дней, для обоихъ,
Остановилъ онъ скоротечность
На пылкихъ горестяхъ своихъ...
И разстоянья безконечность,
Какъ море синее, межъ нихъ,
Увы! безмолвная, какъ вѣчность!
На утрѣ жизненной весны
Они на вѣкъ разлучены!

Такъ вотъ загадки разрѣшенье!
Не свѣтлый умъ ее постигъ,
Но сердце разгадало вмигъ,
Въ слѣпомъ, нещадномъ изступленьѣ!
Вотъ страшной тайны откровенье:
Онъ жаждалъ чувства, что могло-бъ
Согрѣть всю жизнь и хладный гробъ,
Насытить сердца ненасытность,
Въ себѣ два міра согласить,
На вѣкъ въ груди остановить
Любовной страсти первобытность!
Того не можетъ страсть одна;
Но въ ней событье роковое,
Или жестокая вина,
Иль потрясенье громовое!
Безмолвный странникъ въ мірѣ семъ,
Онъ наполнялся чувствомъ тѣмъ...

Изъ груди вытѣснилъ желанья,
Мечты пустыя, упованья
И всякій суетный предметъ!
Заботъ не стало, тайныхъ преній
И малодушныхъ потрясеній;
Закрытой будущности нѣтъ —
Сталъ безконечнымъ сердца свѣтъ!
Одна великая идея
Любви безсмертной, тихо вѣя,
Тамъ дышетъ жизнью и огнемъ!

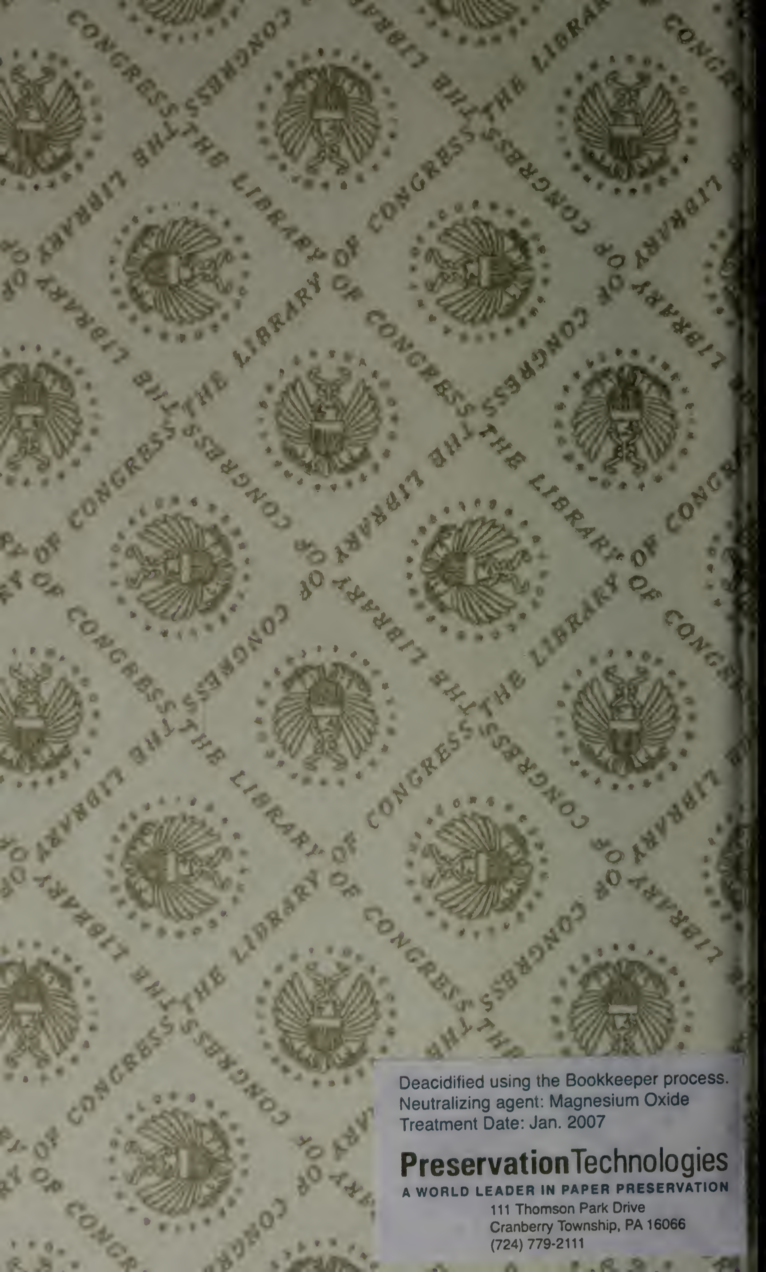
XIV.

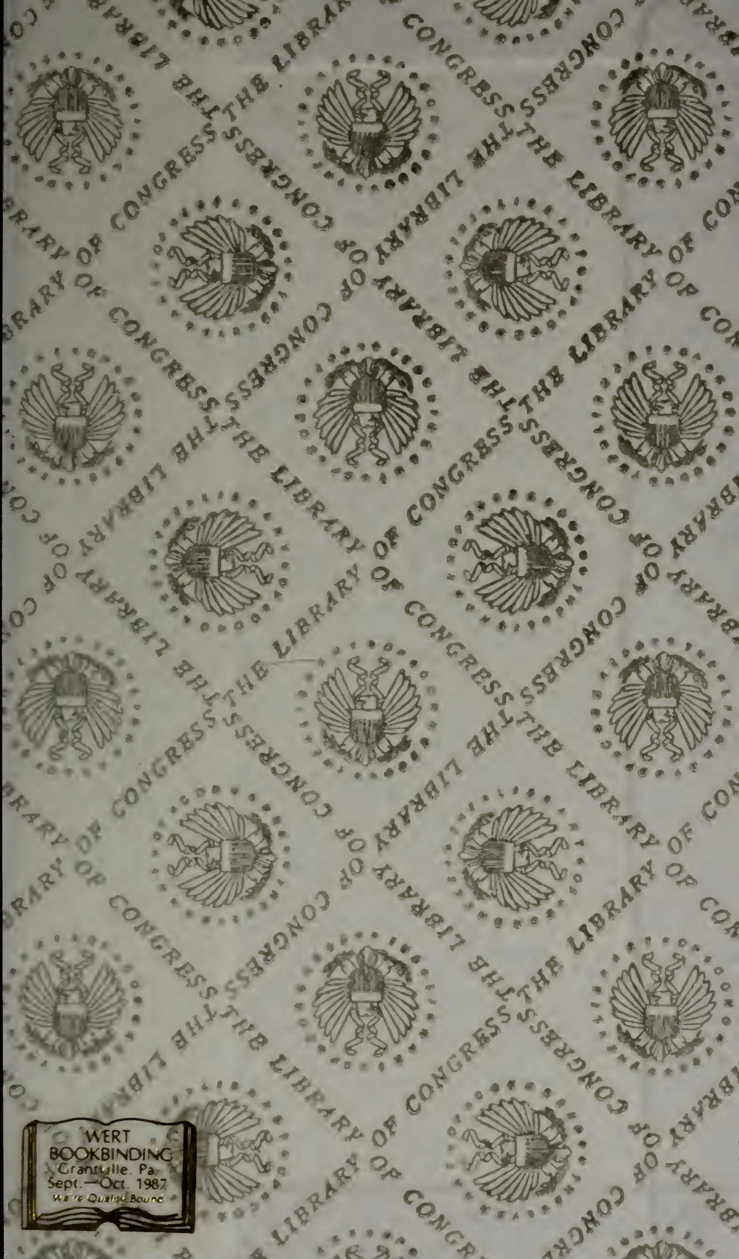
Проходятъ дни и годы. Въ немъ
Возникла мысль: »Она Гречанка,

И любитъ дальній край родной,
Опустошаемый войной!
Не славы гордая заманка —
Но смерть за родину твою
Меня плѣняетъ!..« Мчитъ ладью
Высокій парусъ изъ Одессы!
Уже за ними Понтъ-Эвксинъ
И Византійскіе утесы!
И ночь была, и онъ одинъ
Стоялъ на палубѣ, и волны
Шумѣли глухо; мѣсяцъ полный
Роскошно серебрилъ равнинъ
Неограниченные виды,
И изъ Россіи вѣтеръ дулъ
На перси хладной Пропонтиды,
И навѣвалъ знакомый гулъ —
Небесный голосъ Зинаиды...
И онъ мечталъ, мечталъ объ *ней*

И зритъ: все ближе и свѣтлѣй
Въ Элладу вѣетъ блескъ побѣдный —
И въ блескѣ милый призракъ сна:
Съ улыбкой грустною *она*,
Одѣтый схимой ангелъ блѣдный! —

КОНЕЦЪ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound

